

ФИЛОСОФИЯ

Литература

1. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М., 2006.
2. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель. – М., 2000.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Омск, 1999.
5. Стернин, И. А. Фактор адресата в речевом воздействии / И. А. Стернин // Вестник ВГУ. Серия «Филология. Журналистика». – 2004. – № 1. – С. 171 – 176.
6. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. Ф. Тарасов. – М., 1990.
7. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык». – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356 – 367.
8. Кузнецов, В. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления / В. Кузнецов // Логос. – 1999. – № 10.
9. Колодина, Н. И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста / Н. И. Колодина. – Тамбов, 2001.
10. Камчатнов, А. М. Лингвистическая герменевтика / А. М. Камчатнов. – М., 1995.
11. Брехт, Б. Театр / Б. Брехт. – М., 1965. – Т. 5.
12. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384 – 391.
13. Фуксон, Л. Ю. Чтение / Л. Ю. Фуксон. – Кемерово, 2007.
14. Богин, Г. И. Типология понимания текста / Г. И. Богин. – Калинин, 1986.
15. Долинин, К. А. Интерпретация текста: французский язык / К. А. Долинин. – М., 2005.
16. Залевская, А. А. Текст и его понимание / А. А. Залевская. – Тверь, 2001.
17. Марова, Н. Д. Парадигмы интерпретации текста / Н. Д. Марова. – Екатеринбург, 2006. – Ч. 1, 2.
18. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск, 1991.
19. Чернышова, Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: АДД / Т. В. Чернышова. – Барнаул, 2005.
20. Шехтман, Н. А. Понимание речевого произведения и гипертекст / Н. А. Шехтман. – Оренбург, 2005.
21. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М., 1996.
22. Голев, Н. Д. Амфиболическое (вариативно-интерпретационное) функционирование текста / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Филологические науки. – 2007. – № 4. – С. 80 – 88.
23. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1985.

УДК 323.28

ТЕРРОРИЗМ КАК ВНУТРИСИСТЕМНАЯ БОРЬБА «ГОСУДАРСТВА» И «ПАРТИЗАН»

В. И. Красиков

*Статья выполнена в рамках выполнения
и при финансовой поддержке
РФФИ, грант № 07-06-00067-а*

Во многих голливудских и болливудских («Рембо», «Рокки», «Ворон» и т. п.) используется хорошо известный всем, но не теряющий оттого своей эффектности, сценарный прием. Он заключается в предельно возможном обезчеловечивании «главных злодеев» – для превращения последующей кровавой бани над ними в некий вид «эстетического удовольствия». «Главные злодеи» в первой части подобных фильмов «зарабатывают» ненависть зрителя по полной программе – представляя такими чудовищами жестокости, низости и аморальности, настолько унижают заведомо «хорошего героя», что во второй части у него абсолютно развязаны руки для такой же чудовищной мести, жесточайшего адресного насилия против «злоде-

ев». Насилия, внушающего священный ужас, превращающегося в настоящий террор, который, с замиранием сердца, но радостно-сочувственно, воспринимает зритель. В этих чувствах – глубокие социально-психологические корни существования в обществе и истории этого особого, адресного, «справедливо-жестокое», внушающего ужас, насилия – или террора. Против кого-то мы заведомо принимаем такое насилие, дело за немногим – убедить зрителя. Чем в истории и занимались реальные режиссеры насилия – как со стороны господствующих в то время сил, так и со стороны тогда борющихся против них.

Мы утверждаем, что терроризм как особое, адресное, устрашающее насилие, как и остальные, более привычные, «нормализованные» законом либо обычаями, его формы – древнее и социально-естественное явление, а вовсе не прецедент последних двух столетий. Терроризм, несомненно, более

редкое проявление насилия, нежели его узаконенные и легальные формы, но столь же естественное и такое же регулярное. Эта форма насилия обоюдно присуща основным игрокам властного ристалища: «государству» и радикальной оппозиции («партизанам») в некоторые экстраординарные периоды существенного обострения привычной, вялотекущей конфронтации между ними. Меняются исторические формы «государства» и «партизан», по-разному режиссируются идеологические, моральные, религиозные прикрытия, оболочки обоюдных террористических действий, но суть остается одна: диктат и протест.

Теперь, прежде чем приступать к аргументации заявленного тезиса, необходимы разъяснения по используемым и вынесенным в заголовок понятиям.

Слово «терроризм» употребляется вполне адекватно с общезначимым значением – это особое, экстраординарное, устрашающее насилие, никаким образом реально не нормируемое обычной в то время правовой практикой. Если борьба «внутрисистемная», то, что здесь значит «система»? Этот подход навеян «мир-системным» анализом И. Валлерстайна, однако используется лишь для решения заявленной задачи – по возможности деидеологизированного рассмотрения феномена терроризма – вне «-измовых» оценок в координатах «свобода-эксплуатация», «правое дело-несправедливость» и т. п. «Система» – фокус исследовательского внимания в выделении целостного самодостаточного социального образования, в котором устанавливаются связывающие его воедино властные конфигурации «диктата-протеста». Ею, системой, может быть и вожделение, локальная община, и империя, и национальное государство, и глобализующееся цивилизационное сообщество. «Система» как фокус исследовательского внимания может быть применена в принципе к любому социуму и историческому периоду. Вместе с тем и такой задачи не стоит, и для реконструкции универсальных исторических схем развития следует ограничиваться признанной последовательностью «исторических сцен» с их активными игроками, определявшими приоритетные зоны интенсивных исторических действий с их определяющим вниманием на логику последующих событий и вниманием историков и философов: Древний Восток – Средиземноморье – Западная Европа (отчасти арабский Восток) – глобализующийся мир.

Основными активными игроками социально-политических систем выступают «государство» и «партизаны». Под «государством» мы понимаем некую юридическую абстракцию, а социально-историческое понятие, обозначающее особые группы людей и социальных учреждений, легально осуществляющих власть над населением определенных территорий. Как – «легально» (писаным, неписаным законом), в каких-либо отношениях с населением, с использованием каких-либо ресурсов господства и управления – это детали, конкретизирующие понятие «государство» до его исторических форм: в широкой гамме от ранних (полис, империя) до зрелых,

национальных и современных «блочных» трансформаций (Евросоюз, Североатлантический альянс). Государство исторически в разном объеме монополизует насилие, имея перед собой исторически разные формы естественно-социальной организации населения: племена, этнические или городские общины, народности, нации, гомогенизирующийся состав культурно-цивилизационных «блоков». Однако, и это следует подчеркнуть, государство пользуется обычно лимитированным, юридически дозированным насилием и даже в основном ограничиваясь угрозами его применения.

Разумеется, сама дозировка исторически варьируется от варварства публичных казней и жестокости первых кодексов до запрета смертной казни и либерального законодательства. Но во все времена основной ресурс государства – добровольное послушание, приятие власти, законов и общественно-го устройства подавляющим составом населения. Это социальное следствие консервативной черты всех приматов, на которой зиждется и государственный порядок – склонность людей к индоктринации, идентификация себя с группой, общностью, которая, в свою очередь, находит свое символическое воплощение в «эмблеме» государства. Доверие и сильная привязанность к кровным родственникам, их образу жизни, поведения, рассматриваемые как «свои» и «единственно значимые», переносятся затем, конечно при помощи регулярных специализированных идеологических акций властвующих групп, на более крупные общности и его институты – в виде «отечества», «Родины» и «патриотизма». Большинство населения в нормальных условиях потому в принципе доверяет и принимает в общем смысле данную власть и данное государство.

Иное дело «партизаны». Сам термин представляется мне удачным и взят у К. Шмита [1]. У последнего этот термин обозначает лишь относительно молодые исторические персонажи – с начала XIX в. действительных испанских и российских партизан (крестьян), сломавших хребет наполеоновским войскам, затем в основном партизаны (те же крестьяне) в мировых войнах XX в. и революционной борьбе «холодной войны» (Мао, Кастро, Че Гевара, Маригелла и пр.). Я же полагаю, что этот термин удачно приложим для характеристики системной радикальной оппозиции государству, ведущей прямые вооруженные силовые действия – с древности до наших дней.

Каковы же резоны этого? Во-первых, как уже было сказано, государство обычно умеренно пользуется насилием – и этого вполне достаточно, учитывая обычную индоктринацию масс. Однако регулярно, хотя и изредка, кого-то особенно сильно «мочат», и они также озлобленно отвечают. Другими словами, государство отбрасывает все условности для решительного и жестокого преследования определенных групп, общностей с использованием всего репрессивного аппарата – это, собственно, и называется «государственным терроризмом». Кого же и почему столь яростно иногда преследуют?

Как правило, это всегда имеющийся радикально-оппозиционный элемент системы, отвечающий на диктат не менее решительным и жестоким протестом. Собственно, это необходимая диалектическая составляющая любой социально-политической «системы»: на то и щука в море, чтобы карась не дремал. Если же без витиеватостей, то присущая людям внутренняя сопротивляемость диктату, приглушаемая и нейтрализуемая угрозой применения насилия, генетически, а значит и социально, представлена каждый раз в определенном проценте нонконформистов: радикальных альтруистов либо радикальных индивидуалистов.

Их антиконформная и антисистемная мотивация поведения, в какие бы идеологические одежды она не облачалась, столь велика, что они не боятся угроз насилия, скорее, лишь больше возбуждаясь от сильного раздражителя. И они готовы на любые жертвы для отстаивания своих позиций. Причем подобными радикальными элементами могут быть не только отдельные индивиды, религиозные группы, но и этносы-изгои (евреи, цыгане и др.), как и «государства-изгои» (в современной глобализующейся «системе»). Властвующие группы, выполняющие в данное время функции «государства», особенно ненавидят и пытаются буквально физически искоренить эти радикальные элементы или «партизан».

«Партизанами», в отличие от различных терпимых и вменяемых версий «оппозиции Ее величества» власти, их делают следующие признаки:

- интенсивная политическая вовлеченность и тесная связь со своими специфическими этносом, религией, культурой;
- нетерпимость к компромиссу и приспособленчеству, собственный нарциссизм;
- вооруженная борьба с государством, и это главное, характеризующаяся иррегулярностью и повышенной мобильностью.

Это террор, но уже обратный, против государства в широком смысле слова, включающий в себя людей, организации, собственность, существующего в этом месте и в это время государства. Потому террор государства и радикальных оппозиционных групп («партизан») – взаимосвязанное и постоянное явление в истории, чей характер зависел от социально-экономических, политических и мировоззренческих особенностей четырех основных эпох в развитии социального устройства, государства и мировоззрений. Какие же это эпохи?

Первая эпоха, примерно-условно с IV тыс. до н.э. до V в. н. э. – эпоха империй, доминирование завоеваний, военной силы, эпоха полководцев. Арена истории – анклавы Древнего Востока (Индия, Китай, Междуречье) и Средиземноморье. Военная сила и раннее государство (полисы, империи, вожества) имели смысл не столько перераспределения прибавочного продукта, сколько принудительного экономического объединения в основном хозяйственно замкнутых, парцеллярных территорий, соответствующей специализации и разделения труда, складывание глобально-имперских рынков того времени.

По сути, это были первые формы экономической, политической и культурной, пока региональной, глобализации – в виде эллинизации, латинизации, китаизации и т. п. Экономическое объединение, рыночный обмен, культурное нивелирование все же имели в империях временный характер. Хотя некоторые империи существовали и столетия, и тысячелетия (Египет, Рим), они были эфемеридами в историческом смысле: забвение фараоновского Египта или же тотальная варваризация и политико-экономическая деградация Западной Европы после падения Рима – лучшее тому подтверждение. Империи продолжали оставаться лоскутными в экономическом и, главное, в этнокультурном отношении, состоящими из самодостаточных этнических общин, поселений, территорий.

Общность и известное развитие рыночных отношений поддерживались только политикой постоянных успешных завоеваний, приграничных войн, подавлений восстаний, т.е. военной силой удачливых династий и полководцев. Не было общей основы, культурного объединяющего формата империи – идеи «гражданства» и «императора» оказались политико-юридическими абстракциями, не принявшимися людьми столь же всерьез, как, к примеру, чувства и понятия племенного, этнического и территориального единения. Лишь следующая эпоха, эпоха массовых универсальных религиозных вероисповеданий, сможет создать ту необходимую культурную гомогенность, психическое единство, способные стать в дальнейшем социально-антропологической основой успешных региональных экономических объединений в виде наций и национальных государств.

Это, однако, было еще делом отдаленного будущего. В эпоху же империй лоскутному их составу, скрепленным лишь угрозой военной силы и принудительными рыночными отношениями, множества тесно спаянных, самодостаточных в культурном и экономическом отношении этнических общин, соответствовало и слабое государство. Слабое в сравнении с классическими, национальными государствами Нового времени – оно не имело стабильных и легальных ресурсов для содержания многочисленных и регулярных армий, полиции, не имело самой идеи «государства» для всех. Эксклюзивно, для очередного завоевания, защиты или подавления, можно было собрать ополчение из этнических общин, которые и сами были заинтересованы в поддержании стабильности, порядка, недопущения набегов соседей, междоусобиц, пиратства и бандитизма. Однако лишь Римская держава (республика и империя), дальше всех древних империй продвинувшаяся по пути культурной и экономической гомогенизации своих земель, могла содержать некоторое время многотысячную регулярную армию, что в конце концов разорило ее и привело к гибели.

Правители империй часто были сказочно богаты, однако рассматривали казну как свое личное достояние и потребляли по полной программе, реализуя свои амбициозные военные, религиозные и

даже «экзистенциальные» проекты: Цин Ши Хуанди все бросил на возведение и Великой стены, и своей усыпальницы с тысячами терракотовых воинов; ранние династии Египта – на сооружение великих пирамид; Эхнатон построил столицу своего нового бога на пустом месте в глухой пустыне; римский император Каракала возвел грандиозные бани; безутешный Шах-Джахан – грандиозный Тадж-Махал в честь своей незабвенной возлюбленной жены Мумтаз-Махал. Их по-человечески понять можно, но причем здесь подданные?

Если ты не строил что-то великое, не содержал толпы бездельников-клиентов, то ты не «патрон», «отец», покровитель, связанный личными отношениями с подданными. Отдельные светлые головы среди удачливых военных, одновременно императоров, эти роли были перекрещивающимися, пытались еще и строить далее государство – по пути его абстрактно-человеческого развития, но это было редким исключением из общих правил, которые диктовались самим же населением, подданными, *отчужденными* от этой ранней идеи «государства», воплощаемой в императоре и династии.

Кем были подданные? Либо замкнутые, самодостаточные этнические общины, завидующие, терпящие и ненавидящие метрополию, титульный этнос и его вождя-императора, неверные-покорные до поры до времени, по обстоятельствам. Либо это отчужденный, развращенный «хлебом и зрелищами» плебс и цинично-гедонистическая аристократия господствующего этноса и ближайших его союзников. Конечно, реки больших материальных ценностей текли как добыча в завоеваниях, реквизициях, деньги шли и от податей с общин, но всего этого хватало лишь для помпезной яркости гигантских сооружений, элементарного благоустройства столиц, но не для действительно общегражданских проектов развития – не было тех самых, по настоящему верных и сплоченных идей, общностью сознания и культуры граждан (кроме того же Рима, дальше всех продвинувшегося по этому пути).

Государство было представлено династией, ее, как правило, этнической дружиной и «аппаратом чиновников» – также в основном из родственников, этнически близких, земляков. В лучшем случае, были еще небольшие гарнизоны в столице, ключевых городах и на границах – и их содержание постоянно сталкивалось с хроническим недофинансированием в силу первоочередности непроизводительного, престижного потребления династии. Малочисленность, неразвитость институтов легального, государственного насилия, это специфическое раннее государство компенсировало демонстративной жестокостью. Древние хроники Египта, Ассирии, Китая, Персии пестрят сценами массовых показательных убийств пленных, а их кодексы карают смертной казнью большое количество правонарушений. Библия, якобы первоисточник моральных ценностей, содержит много восхвалений геноциду, устраиваемому «избранным народом», ведомым Саваофом, в захваченных ими городах. Она также предписывает смерть как наказание за ненасильст-

венные действия, такие как идолопоклонство, гомосексуализм, богохульство, адюльтер, оскорбление родителей, труд по субботам.

Это был, по нашим меркам, практически государственный терроризм против своих же подданных, но по нормам того времени вполне обычной практикой. Однако по отношению к отдельным, «наиболее буйным» по складу своего этнического характера, наиболее непокорным и «неверным» (свободолюбивым, сказали бы мы) народам или «партизанам» империи, насилие принимало совсем уж одиозные формы даже по меркам того времени.

Восстания рабов были во многом не «классовыми» (это наши ретроспективные модернизации), но именно этническими протестами представителей этих наиболее «буйных» этносов. Знаменитое восстание Спартака было направлено именно против римлян, собственно, «государства» в глазах этнических общин. После первых успехов Спартак со товарищи имели возможность беспрепятственно уйти на север к границам и далее в свои племенные земли, однако эти радикальные элементы, прошедшие «политическое образование» гладиаторских школ, оказались столь сильно вовлеченными и ненавидящими «государство», что решили сражаться до конца. Примеров подобных полиэтнических восстаний много, но гораздо показательнее этнические восстания, иррегулярные боевые действия провинций (общин). Наиболее известное из них, знаменитое своей непокорностью, ненавистью к Риму – восстание в Иудее, предшествующее тому и последующие действия «еврейских партизан».

Таким образом, «партизаны» древнего мира – некоторые радикальные по своему складу этнические общины и группировки. У кого-то это были причины специфическо-религиозные («избранный народ» и в подчинении!), у кого более прозаические исторические либо экономические, обуславливавшие разный градус взаимного напряжения ненависти внутрисистемного отношения «государства и партизан» и радикализм ожесточенности террора.

Вторая крупная качественная эпоха в развитии социума («систем») – эпоха массовых религиозных вероисповеданий, примерно с V по XV вв. Историческая арена – Западная Европа и Средиземноморье Византии, арабов и турок. Здесь происходили судьбоносные события, повлиявшие на последующее, магистральное для мирового развития, событие. Индия и Дальний Восток в этом отношении находились все же как бы на периферии. Институт государства в это время явно деградирует (особенно с VI по X вв., «темные века») на большинстве территорий цивилизационных ойкумен того времени, включая агонизирующую и трансформирующуюся Византию. Деградация выразилась в так называемой «феодальной раздробленности», когда в отсутствии имперского экономического принуждения исчезли во многом искусственные рыночные связи между этническими общинами, ставшими суверенными, или номинально зависимыми, королевствами, герцогствами, графствами и т. п. Захирели и го-

рода, центры торговли и административного имперского правления. По сути, произошел возврат к прежней, предшествующей ранней государственности, властно-политической форме организации социума – в виде местных вожеств. И даже арабская и турецкая империи в рассматриваемое время – примеры империй-вожеств, кочевых империй, которые лишь впоследствии стали трансформироваться в нечто иное. Нельзя сказать, чтобы Западная Европа и Средиземноморье резко изменились в своем фундаментальном этнокультурном и экономическом качествах – просто политика была приведена в соответствие с культурой и экономикой, а этнические общины получили вожделенную суверенность, предварительно окрепнув экономически и ментально под сенью империи, выпестовавшей себе на погибель жизнеспособные и самодостаточные провинции. Появилось много в среднем равных по силам игроков, способных через складывающуюся систему сдержек и противовесов существовать вполне мирно и без защиты империи. И это заслуга имперского периода – подъем и выравнивание культуры социальной самоорганизации, письменности, образованности – для последующей и необходимой самозавязи феодалов, этнических форм, внешне нивелируемых некими единообразиями иерархической вассальной лестницы, подпираемой тогда лишь символическим сюзереном и, что есть самое важное в то время, – духовным выравниванием душ христианской (мусульманской) верой.

Главное отличие феодального вожества от вожеств до эпохи раннего государства древности – не наличие в большинстве случаев формальных укрупненных структур вассальной зависимости (на уровне королевств), а то, слабым социальным подобием чего они являлись – реальных духовно-властных религиозных структур папства и халифата. Религия была системообразующим началом этой эпохи, т. е. папство, халифат, структуры религиозной власти выполняли функции «государства» в системах, больших, нежели эфемерные тогда королевства либо более реальные мелкие этнические вожества. Отражением чего были известные притязания пап, халифов на реальную объединительную власть над религиозными мирами того времени, их противостояние с наиболее сильными светскими владыками. И хотя, как известно, эти притязания оказались в конце концов напрасными, реальные духовные государства как формы объединения, самоорганизации и самоосознания общности людей – в Западной Европе и в арабском Средиземноморье – состоялись.

В противовес локальным вожествам этнических общин, основанным на лично-вассальных связях, власть Папы распространялась и объединяла практически всю Западную Европу, выражаясь вполне «социоматериально» в назначениях прелатов в ключевые поселения, в организации и контроле над монастырями, орденами, системой образования и пропаганды. Это было реальное социодуховное паневропейское государство с мощными территориальными, экономическими и культурными форпо-

стами в виде церквей, орденов и монастырей, создававшими единое духовное пространство, главную предпосылку для успеха последующих национально-государственных строительства и современного европейского объединения.

Конечно, христианство и ислам при своем появлении продемонстрировали мощный гуманистический потенциал, запретив рабство, кровную месть, смягчив существовавшие ранее практики наказания, утверждая идею о принципиальном духовном равенстве и единстве людей разных племен и сословий. Вместе с тем именно они применили впервые практику тотальной индоктринации, воспользовавшись консервативным антропологическим свойством «стадности» человека, проторив тем самым дорожку последующим всем хорошо известным уже идеологическим манипуляциям с массовым сознанием. Государственный терроризм мировых религий в лице тогдашних реальных духовно-властных структур хорошо известен как «исторические заблуждения» церквей. Ортодоксальная, слепая, нерассуждающая вера поддерживалась преследованием язычников, ведьм (колдунов) и еретиков: пытки, смертные казни, запреты и сжигания книг. Религиозное право (особенно в исламе) во многом дополняло, а то и заменяло, дублировало право обычное вплоть до X в. Этнические общины-вожества, все эти княжества и курфюршества, жили во многом по сложившимся обычаям и не испытывали каких-то антагонистических противоречий – все решалось по рациональным, всем известным правилам. Собственно, «идеологическая борьба» как несогласие, помимо банальных местных склок и «политических» околоролевских властных интриг, могла проявляться либо на уровне толкований и противоречий внутри самой веры, либо между верами. И именно они становились причинами как внутрисистемных столкновений, так и между «государствами» (христианским и мусульманским).

И раньше, в имперском периоде древних государств, радикальные элементы, «партизаны», использовали свои племенные религии в качестве символа самобытной, антагонистичной государству самоидентификации и мощного морально-идеологического ресурса противостояния – чего стоит тот же иудаизм! Однако в условиях тоталитарной веры движения несогласных все того же этнического сепаратизма общин, либо новой социальной силы – потихоньку гомогенизирующихся городов, стремящихся уже выстраивать иной, новый порядок, принимали форму многочисленных ересей. От их обилия пестрят страницы исторических хроник средневековья. Столкновения с еретиками вызывали иногда настоящие гражданские религиозные войны (с гугенотами во Франции и с протестантами в Германии), однако это уже был, скорее, излет классической эпохи веры, свидетельство ее разложения и форма революционного перехода к следующей эпохе национальных государств. Все же для эпохи веры характерно доминирование «государственного терроризма» господствующей церкви, устраивающей погромы против иноверцев

(иудеев, мусульман) и иноверцев, для которых, в свою очередь, их религиозная инаковость была эмблемой каких-то их культурных, этнических, экономических притязаний. «Партизан» стремились уничтожить из Ватикана, Константинополя, Москвы, Багдада, однако и последние регулярно поднимали восстания и вели иррегулярные военные действия.

Третья эпоха охватывает XVI – первую половину XX вв., – четыре столетия становления, расцвета и начала упадка национальных государств или развитых, «классических» государств. Западная Европа окончательно становится в это время, но и на то время, главной исторической ареной, т. к. события, произошедшие здесь, определили основной вектор последующего мирового развития. Эти события – складывание относительно гомогенных экономических, гражданских, правовых обществ. Речь не идет о современных концептуальных моделях (во многом утопичных) «гражданского правового общества». Как и всякая общественная утопия, наподобие «коммунизма», они представляют собой конструкцию «типа», «идеала». Вместе с тем подобные конструкции выражают некоторые новые действительные признаки социума и соответствующего ему государственного устройства. Религиозное тысячелетие тоталитарной духовной формы христианства сформировало, несмотря на многочисленные конфессии и ереси, все же общий менталитет, сознание общечеловеческой общности, ранее достигаемое лишь в отдельные периоды зрелости древних культур, у космополитичных интеллектуалов.

Прежний основной идентификационный признак «этничности» был оттеснен в конце концов на второй план у большинства европейских народов. Он продолжает, разумеется, быть источником сильных чувств и амбиций, особенно у радикальных элементов, которые всегда есть в любом народе, но все же переместился на мировоззренческую периферию.

Формирующиеся, благодаря радикальной смене энергетической и технологической основ человеческой жизнеобеспечивающей активности, «индустриальные машины» крупных производств, втягивают в постоянно укрупняющиеся города, как гигантские социальные насосы, большинство населения этнических периферий и клановых «глухих местечек». Котлы больших городов переплавляют сельское многообразие в некое атомарное единообразие. Местные интеллектуалы универсализующегося национального духа создают стандартизованное образование посредством творения стандартного национального литературного языка.

Этим «новым людям» была нужна новая форма социальной самоорганизации, исходившая из уже сложившегося осознания человеческой эквивалентности. Соответственно, возникла потребность в новом государстве. Сначала, как известно, поддерживали королевскую централизацию, как меньшее из зол против прежнего беспредела местных вождей, затем, когда «новые люди» окрепли экономически и духовно (идеология Просвещения), они реши-

тельно выступили против паразитизма и иррационализма абсолютистской власти. Новое государство начало складываться еще при старых режимах, сумевших создать, именно при молчаливом одобрении, и, главное, согласия нести дополнительное налоговое бремя, со стороны «третьего сословия», мощные аппараты насилия. Первоначально они были нужны для пресечения фрондерства крупной знати и связанного с ним экономического беспредела. Новые аппараты насилия появлялись в виде больших регулярных армий, полиции и тюрем. И это полунное (по степени монополизации насилия и централизации), полустарое (лично-династийный принцип организации, расточительство) государство начало эпоху современного государственного терроризма, заложило его традицию. Это облегчалось тем, что оно имело, пользуясь марксистской терминологией, уже практически новый социально-экономический «базис»: эффективную по тем временам экономику, относительно единый, гражданский, состав населения, в целом лояльный режиму. С этим соотносилась старая, волонтаристская, иррациональная, эгоистическая «надстройка», которая могла пользоваться новыми (отвечающими уже формирующемуся единому «социальному», «гражданскому» обществу) средствами государственного насилия.

Этот хорошо известный историкам беспредел королевской власти в виде «личных войн», преследование инакомыслящих, бессудные заключения в тюрьмы и экспроприации, торговля всеми мыслимыми должностями, безумное роскошество королевских дворов породили новых героев сопротивления государству и «системе» – первых социальных революционеров, главных действующих лиц оппозиции, в том числе и радикальной («партизан»), вплоть до конца XX века.

Понять реалии нового государства и новых партизан, радикальных социальных революционеров можно лишь в связи с уяснением природы нового общества – «экономического» или индустриального. На смену голой силе, потом религии, пришла экономика – в качестве системообразующего признака. Причем речь идет, заметим, не о вообще жизнеобеспечивающей активности – кто же будет спорить, что она всегда исходна? И дело даже не в «рыночности», рынок регулирует данности, но не порождает новые потребности, которые должны быть «изобретены». В новоевропейских обществах утверждается в качестве ведущей инновационная экономика, какие бы формы она не принимала: от открытий эффективных решений в организации производства (мануфактура, конвейер), управления (банк, фирма, биржа и пр.) до внедрения в производство научных либо сервисных идей. Не важно, что, где, как и откуда – главное уметь зарабатывать деньги: давать нужное людям, создавая зачатку саму новую потребность, вкладывая в это деньги – для получения их большего количества. К этому способны наиболее рациональные, прагматистские и целеустремленные люди, которым для успеха своей деятельности и наслаждения их результатами

требуется соответствующий рациональный, устойчивый порядок, известные и незыблемые правила социальной игры, формат общей толерантности за счет предоставления неких стартовых возможностей (дать удочку). Это-то и обеспечило появление современного «правового государства» (идеала и градацию его воплощений) – с его разделением властей и монополизацией насилия. Подобное государство всегда будет представлять только меньшинство, игнорируя в действительности запросы большинства пассивных, благодушно и конформистски настроенных граждан, идеалистов, альтруистов и пр., не говоря уже об отсталых сельских провинциях и еще более отсталого неевропейского большинства планеты. Без индоктринации и мощной духовной силы, сопоставимой по эффективности влияния с религией, обойтись было невозможно. И такая новая духовная форма появилась в виде *идеологии*, второго системообразующего признака «системы» нового, ставшего «классическим», государства. Идеология, или система взглядов одной социальной силы, преподносимая в качестве единственно рационально помыслимой и разумно обоснованной общечеловеческой, для всех, стала основой добровольного признания государства и лояльности ему. Государство – результат некоторого, представляемого в мысли, гипотетического «общественного договора», по которому граждане добровольно отчуждают часть своих прав выборной власти с тем, чтобы оно разумно и в общих интересах распоряжалось собранными налогами и жизнями военнослужащих, защищая граждан, формируя новые цели улучшения жизни людей, организуя и контролируя процесс их воплощения. Это всех устраивало бы, если бы то была не «идеология». Лицемерие, двойные стандарты, показуха стали «исподним» идеологии. «Общество равных возможностей» – идеологема и юридическое узаконивание жизненных мотивов, целей и практики «сильных» (в воле, интеллекте) индивидов, да и то не всех, но лишь небольшой части их – имеющих более утилитарные и социально-хищнически ориентированные наклонности. Без всяких сомнений, это очень решительные люди, и их государство всегда умеет за себя постоять. И их первые «революционные презентации» Кромвелем, Робеспьером и Наполеоном показали их жесткость, инновационность и целеустремленность. Последующая борьба с революционерами лишь укрепила террористическую репутацию нового государства. Это вызвало, в рамках систем национальных государств, появление радикальной оппозиции социальных революционеров – современной формы «партизан», ведущих нелегальную иррегулярную борьбу против господства сил, монополизирующих государство и его насилие. Фигура радикального социального революционера оттеснила на второй план прежних репертуарных героев «национал-сепаратиста» и «религиозного нонконформиста».

Это стало возможным благодаря гениальному идеологическому ответу экономически обездоленных слоев, который сформулировали, как то бывало не раз в истории, «перебежчики», или «оппортунисты», К. Маркс и Ф. Энгельс.

Марксистская идеология стала материнской основой политических программ многочисленных революционных движений, часто совершенно противоположных по своей социальной направленности. Она же инициировала появление консервативной идеологии, романтико-философского ремейка прежних мировоззренческих представлений (мифологических, религиозных и пр.). Классическая фигура «партизана» во второй половине XIX – первой половине XX вв. после того, как партизаны третьего сословия пришли к власти в большинстве европейских стран в течение XVII – XIX вв., – левые или правые радикалы, насильно захватывавшие власть и устраивавшие затем такой же тотальный государственный террор, каковой ранее испытывали сами: в России, Италии, Испании, Германии, Китае, Кубе и ряде других сателлитных странах.

Это было особо явственно в течение XX в., когда клики левых и правых радикалов захватывали государственную власть и вели между собой межгосударственные войны. «Холодная война» радикализовала даже умеренные либеральные режимы и «партизаны» внутри обоих блоков были «пятой колонной» противной стороны: левые террористы на Западе и «диссиденты» в СССР. Даже совсем уж явственные националистические (племенные) националисты напяливали на себя либо марксистские, либо либеральные одежды. Внутри блоков, будь то Варшавского пакта, либо НАТО, государственный терроризм выражался в судорожных реакциях на провокации оголтелых партизан: маккартизм в США, репрессии против «Rote Army» в Германии, коммунистов в Индонезии, Чили, подавление «контрреволюционных» мятежей в Венгрии, Чехословакии, расстрел рабочих в Новочеркасске, гонения на диссидентов и т. п. Вовне же шла «холодная война» в форме борьбы марионеток на полях Африки, Азии и Латинской Америки. Однако иногда искусно расставленные ловушки попадали и сами хозяева: сначала американский орел безнадежно запутался во вьетнамских джунглях, затем русский медведь был крепко обложен в афганских горах.

«Государство» и «партизан», таким образом, – это функциональные роли в любой системе отсчета, а терроризм – решительные периоды обострения внутрисистемных противостояний. Они симметричны по степени озлобленности друг к другу, по жесткости применяемых насильственных средств и по идеологическо-прагматистскому лицемерию (ханжеству).

Литература

Шмитт, К. Теория партизана / К. Шмитт. – М.: Праксис, 2007. – 302 с.